

М.А.Комова

«СКАЗАНИЕ О ЯВЛЕНИИ ЧУДОТВОРНОГО ОБРАЗА УСПЕНИЯ БОГОМАТЕРИ, С ДВЕНАДЦАТЬЮ ПРАЗДНИКАМИ, ЧТО В СЕЛЕ РЫШКОВЕ»: СИСТЕМА МОТИВОВ, ПОЭТИКА

Настоящая статья впервые рассматривает поэтику «Сказания о явлении чудотворного образа Успения Богородицы с двенадцатыми праздниками, что в селе Рышкове Боровского уезда Калужской губернии». Автор исследует устойчивую систему мотивов в контексте древнерусской книжной традиции, сравнивает данный текст с русскими сказаниями об основании монастырей на месте явления чудотворных икон, церквей и часовен. Выделяются основные мотивы: «живой иконы», явления близ водного источника, на горе, дереве, камне, исчезновения иконы, выбора места иконой для церкви, чудесного исцеления, чуда ослепления и прозрения, «указующего гласа Господа», которые имеют как общерусское, так и региональное отражение.

Ключевые слова: сказания об иконах, мотив, поэтика, икона

В книжной традиции Древней Руси особое место занимают сказания о явленных иконах, получивших как общерусское, так и местное распространение. В северо-восточной части бывшей Черниговской земли (восточное Подесенье, Верхнеокский регион), занимавшей в позднесредневековый период пограничное «украинное» положение, получили прославление несколько икон Богородицы, в частности, Свенская-Печерская близ Брянска, Колочская близ Можайска и Рышковская близ Боровска [1]. Среди повествований об иконах наименее известно филологам-медиевистам региональное «Сказание о явлении чудотворного образа Успения Богородицы, с двенадцатью праздниками, что в селе Рышкове, Боровского уезда, Калужской губернии». В основе «Сказания...» лежит ставший традиционным для древнерусской литературы мотив о явлении иконы, развернуто раскрытый в беллетристическом рассказе об основании монашеской обители.

Региональные сказания о иконах связаны системой мотивов с общерусскими сказаниями о богородичных иконах Владимирской, Тихвинской, Колочской, на чем основаны живые традиции древнерусской книжности. Позднесредневековые сказания о создании («зачатии») храмов или монастырей на месте явления икон возводятся, в частности, к сюжету Киево-Печерского Патерика, о чудесном даровании Богородицею своего иконного изображения мастерам-архитекторам в качестве благословения на строительство монастырской Успенской церкви [2, с. 89-91]. Предтечей «зачатия» монастыря часто становилось устройство храма на месте Богоизбранном, на которое указывали многочисленные факты чудотворений от икон. С развитием монастырской общежительной традиции на Руси со времени Преподобного Сергия Радонежского со учениками были основаны нескольких десятков монастырей вокруг Москвы. Особое почитание снискали явленные на месте монастырей чудотворные иконы.

Русская средневековая литература в целом ориентирована на образец, основой которого является христианская традиция. Именно поэтому образцами для древнерусских книжников являлись письменные произведения (летописные и патериковые записи). Мотивы и сюжеты осознанно переносились из одного произведения в другое. Их богословско-христианский подтекст переписчики узнавали в реальных событиях и акцентировали на них внимание. Чудеса от местнотимой реликвии подтверждали значимость избранного Богом места для просвещения человеческого (здесь индикатором служила явленная икона Богородицы и последующее устройство часовни, церкви, монастыря). Поэтому ряд рассказов о чудесах не просто показывают качественные изменения, произошедшие с персонажем, а раскрывают важный сотериологический смысл.

Текст «Сказания...», исследуемого в данной статье, впервые был опубликован в 1867 г. в периодическом издании «Калужские епархиальные ведомости». Письменный оригинал «Сказания» в данное время не найден. Учитывая, что опубликованный текст имеет особенности пространного литературного произведения, написанного на церковно-славянском языке, используемом в позднем средневековье, мы можем предположить, что в основе издания могла быть положена запись о явлении иконы и чудесах от нее, происходящая из церковной летописи монастырского храма в селе Рышкове Калужской губернии. Тем более, что Рышковская чудотворная икона сохранялась и почиталась в данном селении до революции 1917 г. Действительно, в издании Е.Поселянина, посвященного чудотворным иконам Богородицы, отмечен источник текста: «Таково сказание о чудотворной иконѣ Успенія Рышковской, написанное витієватым славянским языкомъ на доскѣ и хранимое съ давнихъ лѣтъ въ храмѣ с. Рышкова» [3, с. 406]. Этот текст «Сказания...», который цитирует Е.Поселянин в издании 1909 г., отличается от текста, опубликованного в 1867 г. в «Калужских епархиальных ведомостях». Поселянин приводит краткое изложение сюжета с изменением последовательности составных частей предложений и использованием слов-заместителей или синонимов. Учитывая, что приведенный в 1909 г. текст был закавычен, а значит процитирован, можно предположить, что Поселянин и публикатор в Калужских епархиальных ведомостях (1867 г.) использовали разные списки «Сказания...». Так, текст 1867 г. завершается событиями 1621 г., когда икона чудесным образом была обретена после Смутного времени. Условно можно считать дату 1621 г. временем формирования первого списка «Сказания...». Поселянином, публиковавшим текст после 1867 г., могли быть внесены искажения первоначального текста, так как в XIX в. требования к точности цитирования были иные. Текст, приведенный Поселянином, завершается описанием чудес XVII в. от

Рышковской иконы со ссылкой на Жалованную грамоту 1792 г. с присовокуплением еще нескольких чудес 1812—1907 гг. [3, с. 406]. Значит, в распоряжении Е.Поселянина имелся и иной источник цитирования той части «Сказания...», где описаны новейшие чудеса от Рышковской иконы. Таким образом, публикации 1867 г. (исследование которого и приводится ниже) и 1909 г. предположительно выявляют два списка Сказания о Рышковской иконе. Пребывание одного из текстов в с. Рышково в Успенском храме упраздненного девичьего монастыря может говорить о составлении «Сказания...» священнослужителем.

Исходя из упомянутых дат, события легендарного явления иконы в местечке Рышково произошли в начале XVI в. (1505 г.). Дате явления иконы могла соответствовать летописная запись, но таковой региональной или общерусской летописи не сохранилось. Текст «Сказания...», опубликованный в XIX в., сохраняя отсутствие разделения на абзацы, разделен на отдельные слова, что в целом характерно для литературы XVII в. Но датировать текст, переписанный с оригинала в XIX в., по указанной дате явления нельзя, так как обычно повествования об иконах составлялись позднее, уже после построения церкви или часовни, а также основания монастыря на особенном месте, избранном иконой (например, подобный мотив встречается в северном «Сказании о Тихвинской иконе Богоматери», посвященном явлению иконы в 1383 г. и дальнейших чудесах, составлено не ранее рубежа XV—XVI вв.; в Можайской «Повести о Луке Коложском», раскрывающей детали явления Коложской иконы Богоматери в 1413 г. сначала в летописных рассказах, затем в книжных текстах рубежа XV—XVI вв.; в северной «Повести о чудотворном образе Выдропусской», которая описывает уже во второй половине XVI в. события, происходившие в 1478 г.; также в «Сказании о зачатии Свенского монастыря» 1556—1567 гг., которое рассказывает о первом брянском чуде от иконы Богоматери, произошедшем в 1288 г., в южнорусском «Сказании о граде Курске и о явлении чудотворной иконы», начинающемся рассказом о событиях 1237 г., которые получили литературное оформление только в 1660-е гг.; в «Легенде о крещении мценян», записанной во второй половине XVII в., рассказывающей о явлении иконы Николы Мценского ратного в 1415 г. [4, с. 209-216]).

Начало Сказания имеет назидательное вступление в духе древнерусской книжной традиции: «Якоже убо чистая вода сладка и всёмъ присѣдѣющимъ потребна къ напоенію и умовенію и къ прочимъ нуждамъ: такъ и сказаніе о явленіи Чудснаго Образа Успенія Преплагословенныя Владычицы нашея Богородицы и дванадесяти Праздниковъ всякому, съ вѣрою послушающему, зѣло душеполезно есть» [5, с. 457]. Автор говорит о полезном значении для души каждого слова о чудесном явлении святыни, на которой изображено Успение Пресвятой Богоматери в числе двенадцати праздников.

Текст «Сказания...» укладывается в рамки жанра повествования об основании храма или монастыря. Автор рассказывает главным образом о святыне, через которую Господь указывает место, где христиане будут посредством особого поучения приведены ко спасению через отказ от греха, через благоговейное отношение к реликвии. Люди, получая в ответ последующее чудесное исцеление от болезни. Чудо является ответом на нравственный волевой выбор каждого, пришедшего в святыню. При этом фактическое повествование уступает нравственному назиданию.

Вступление представляет собой завязку, начинающуюся в безлюдном месте чередой неожиданных событий. Как и принято в повествовании, автор указывает точную дату происшествия, причем даются две даты в старом и новом стиле, что характерно для источников XVII в. («в лѣто міробытія 7013-е, отъ Рождества же Христова 1505-е»), указывается также датирующий временной период — государственное правление («во время благочестивыя державы Великаго Князя Василя Іоанновича всея Россіи» [5, с. 457]. Автор сообщения, несомненно, описывает событие явления по прошествии определенного времени, так как иконография редкого предмета уже определена: «...явился сія Икона Успенія Пресвятыя Богородицы, въ числѣ дванадесяти праздниковъ». Далее подробно раскрываются обстоятельства явления иконы: «Явленіе же ея бысть тако: простолюдинъ нѣкто, именемъ Феофан изыде на рукодѣліе; и ходящу ему по пустынь, приде на место, зовомое Рышково» [5, с. 457]. Действующее лицо здесь, соответствуя ветхозаветному контексту, уподобляется пророку Моисею, который водил свой народ по пустыне, приведя к священной Земле Обетованной. Пустыня также является символом земли, которую еще не коснулось просвещение. Поэтому цепи последующих событий сопутствует образ света, огненного столпа, соединяющего небо и землю, явно указывая на «небесное» (Божественное) происхождение видимого события, исходя из средневекового миропонимания: «узрѣ / въ частомъ лесу внезапно свѣтъ велій, аки столпъ огонь, стоящъ отъ земли до небеси. Онъ же отъ ужаса страхомъ великимъ одержимъ стояше, смотря прилежно, и узрѣ оную Пречудную Икону, стоящу на древѣ рябиновомъ, с двѣма затворцы, и исполнивъ радости, падъ на землю со слезами моляшеся, и скоро хотя взяти оную. Икона же взята горѣ, и не дадеся ему взяти; онъ же благочестивый, мужъ отступи мало и поклоненіе творити нача, и паки вторицею дерзну, хотя къ той Иконе приблизитися и взяти: однако не получи желаемого» [5, с. 458]. Богоизбранный Феофан в повествовании уподобляется пророку Моисею Боговидцу, нашедшему на горе Хорив «Неопалимую купину». Ветхозаветное ежевичное дерево-куст, окруженное огнем, но не сгорающее, в «Сказании...» сопоставлено с рябиновым деревом. «Неопалимая купина» богословски толкуется как прообразовательный символ Боговоплощения через Богоматерь, которая в православных песнопениях показана «не опалившейся, Божества огонь во чреве принявъ» (4-я неделя по Пасхе, Канон о расслабленном, 9-я песнь). Сюжет с «Неопалимой купиной» традиционно представляется аргументом в пользу иконопочитания, невозможного без Боговоплощения. Именно поэтому мотив «огненного столпа», «горящего дерева-куста» содержится в ряде известных сказаний об иконах. Огненный столп, на котором является икона, известен по

славянским спискам сказания об Иверской иконе, появившихся на Руси не ранее XV в., а также указан в русской редакции сказания о Лиддской-Римской иконе, где эта святыня названа «образом на столпе в Лидде». Мотив явления иконы на древе в лесу повторяет обстоятельства обнаружения Колочской иконы (чуть позже этот мотив встречается в курском сказании), чем проявляется общерусская традиция написания сказаний об иконах.

Феофан благоговейно отнесся к явленному образу: «Скоро возвратися въ весь свою, зовомую Садрино, и поведав отцу своему духовному Іерею именемъ Игнатію Васильеву. Онъ же услышавъ о таковомъ преславномъ видѣніи, скоро иде съ нимъ на место, гдѣ Чудная та Икона стояше, и увидѣвши радости великіи исполнися, и по должномъ поклоненіи покусися оную Икону взяти, и не можаше; не движебося съ мѣста, того. Онъ же страхомъ великимъ одержимъ возвратися въ весь свою, повѣда всѣм о неизреченномъ чудеси томъ. Людіе же, преславное то чудо видѣвши, и Св. Икону пречудно, яко нѣкое безцѣнное сокровище сіяюще, взявше Честный Животворящій Крестъ и Св. Иконы, идоша на мѣсто, идѣже та Чудотворная Икона стояше, и съ плачемъ моляхуся, припадающе къ Чудотворной Иконѣ, милости просяще со слезами, и радостною душею хвалу Богу возсылаху о обрѣтении такового многобогатого сокровища, и молебное пѣніе совершающе. Егда же скончаху то пѣніе, сама та Икона съ высоты древа сниде и принята бысть священническими руками, и неслма въ церковь Св. Единосущныя, Животворящія, Нераздѣльныя Троицы» [5, с. 458]. Мотив неприступности явленного образа связывает Рышковское сказание со сказанием об Иверской иконе, когда она трижды не давалась в руки монахам Афона, удаляясь в море. Это традиционный книжный мотив, в рышковском тексте указующий на невозможность прикоснуться к явленной иконе ни первому очевидцу, ни его духовнику иерею. Только третий раз икона сходит с высокого места к множеству людей, объединенных благоговейным чувством почитания святыни. Исходящее от иконы действие указывает на значимость сообщества верующих, трактуемое православной традицией как церковь, что предрекает последующее основание богослужебного здания на избранном месте. Далее после совершения Божественной литургии последовали первые чудеса исцеления недвижимого Герасима, сухорукого Елевферия [5, с. 458-459]. Посредством иконы Богоматерь снова и снова указывает путь страждущим христианам, которых сейчас (как ранее иных в Евангелии) не случайно посетила болезнь.

Мотив исчезновения «живой иконы» и обретение ее на избранном месте, характерен для ряда русских средневековых повестей о явленных иконах (Колочская, Тихвинская, Свенская, Курская-Коренная). Так, «въ третій день, егда бѣ благовѣсть утренняго пѣнія, прииде вышеупомянутый священникъ Игнатій со многими благочестивыми людьми, не обрѣтоша оную Икону в церкви Божіей, и много поискаша въ недоумѣніи; нѣции же отъ нихъ текоша на мѣсто, гдѣже Чудная оная Икона явися, и видѣвши ю на томъ же древѣ стоящу и аки солнце сіяюще, стеколася великое множество народа, со слезами вопіюще: Господи помилуй! и наченше паки молебная пѣнія совершати Господу нашему Іисусу Христу и Боголѣпному Его Воскресенію; и въ то время слышанъ бысть гласъ, аки громъ нѣкій страшень, глаголющъ Здѣ подобаетъ быти Образу Успенія Пресвятыя Богородицы! И повѣдано бысть города Боровска воеводѣ болярину Афанасію Нефедьеву. Воевода же, пришедъ со многими благочестивыми гражданы, и повелѣ на томъ мѣстѣ поставить часовню» [5, с. 459]. «Глас Божий», подобно голосу Собеседника ветхозаветного Моисея-Боговидца, дает наименование иконе, которая «оживает» и определяет место храма.

Основная часть «Сказания» характеризуется развитием чудесного действия, кульминацией, когда все действующие лица становятся очевидцами триумфа Рышковской иконы Пресвятой Богородицы. Воевода Боровска сообщает о явлении иконы и чудотворениях от нее царю Василию III Иоанновичу, который повелел принести икону в столицу. Избранных прихожан снарядили с иконой в Москву: «Сущіе же ту людіе съ подобающею честію и со многимъ псалмопѣніемъ и безчисленными слезами провождаху. Радость тогда неизреченная одержаше приѣмлющихъ, печаль же нестерпима отдающихъ, по вѣрѣ же обоихъ мзда» [5, с. 459-460].

Ориентируясь, как и многие в церковной среде, на Священное Предание Православной Церкви, автор сравнивает описание чудесного явления во время совершения погребения тела Богородицы апостолами с прощанием с явленной иконой Богоматери в Рышкове, и с ее перенесением с места явления в Москву: «Яко же бо прежде при препровожденіи всесвятаго тѣла Богоматере Апостольскимъ Ликомъ къ погребенію: тако и надъ симъ пречуднымъ Образомъ идяше вѣнцеобразный неизреченною свѣтлостію сіяющій кругъ. И тако изъ вѣси въ весь шествѣ творяху» [5, с. 460]. Действие развивается активно, поэтому в тексте много глаголов и слов со значением времени: идяше, идущие, шествие, путь. Повествование напоминает жанр «хожжения», так как все события совершаются по пути, цель которого предreshена (прибытие в Москву по повелению Благочестивого Царя для чествования в главном храме, соименном явленной в Рышкове иконе). По мере продвижения в Москву путники встречают страждущих, которые получают исцеление: «Идущимъ же имъ на пути, обрѣтоша челоуѣка во гноищи лежаща и просяща милостыни, и когда онъ цѣлова Чудотворный Образъ, бысть здоровъ, и ста на ногахъ своихъ» [5, с. 460]. Явленная икона становится контактной реликвией. К ней, подобно исцеленной кровоточивой вдове, дотронувшейся до края одежды Спасителя, прикасается несчастный и тоже получает исцеление. Этот евангельский контекст прочитывается в «Сказании...» при описании чуда от иконы по пути в Москву.

В Москве Рышковскую икону встречает множество народа, подобно Сретению иконы Владимирской Божией Матери (описанному в XV в. в «Повести о Темир-Аксаке» событию 1395 г., когда в Москве на месте

встречи иконы, перевезенной из Владимира был основан Сретенский монастырь): «Егда же доидоша царствующаго града Москвы, увѣда о семъ Благочестивый Царь, изыде въ срѣтеніе со кресты и со архіереи и со Священнымъ Соборомъ и со всенароднымъ множествомъ. Возвеселися же зѣло Благочестивый Царь» [5, с. 460]. Москва, к которой происходит путешествие с Рышковской иконой воспринимается как Град Иерусалим, в который входят путешествующие подобно Христу в Вербное воскресение (евангельская тема Входа Господнего в Иерусалим). Эти связи осознавались и устанавливались в Московском государстве уже в первой половине XVI в. — период формирования идеи «Москва — третий Рим». Явление икон в Московском государстве в начале XVI в. воспринималось как подтверждение утраты благочестия в ранее православных странах (Риме и Константинополе) и обретение благодати последним Римом — Москвой, что отражается в открытии новых чудотворных икон. Именно поэтому в сказании о Рышковской иконе чередуются аллюзии к евангельским текстам, к повестям о византийских иконах (Иверской, Лиддской-Римской).

Далее указывается, что произошло еще много чудес исцеления и избавления от немощи телесной страждущих, которые пели молебны и прикладывались контактно к чудотворному образу. Но икона неожиданно исчезает, становится «невидима» так, что «страхъ же объять всѣхъ бывшихъ ту, о чудеси томъ дивяхуся» [5, с. 461]. Прошло немного времени, и икона вновь появляется на прежнем месте, указывая снова, что оно Богоизбранное. Возвращение иконы приводит к раскрытию смысла явления иконы Богоматери (покровительницы монастырского жительства), коим явилось «зачатіе» храма, а затем и монашеской девичьей обители: «Не по мнозѣмъ же времени увѣдаша, яко икона явися на предшемъ своемъ мѣстѣ, зовомомъ Рышково, въ построенной часовнѣ. Сего ради Благовѣрный Царь и великій Князь повелѣ на томъ мѣстѣ, идѣже Чудотворная та Икона обрѣтется, поставити церковь во имя Успенія Пресв. Богородицы; и монастырь дѣвичъ возградити, и повелѣ Свящ. Собору дати сельце, яже и до нынѣ стоитъ близъ тоя церкви. Игуменіи же и двѣнадесяти сестрамъ урокъ давати, и оттолѣ уставиша праздновати явленіе Ея мѣсяца іюліа 1 -го дня» [5, с. 461].

Вторая часть «Сказания...», как в известных средневековых русских сказаниях XV—XVII вв., посвящена описанию чудес исцеления от иконы, когда она безвыездно находилась в монастырской храме. Рассмотрим наиболее запоминающиеся рассказы и устойчивые мотивы в описании чудес от иконы. Так, в 7018 (1510) г. происходит воскрешение умершего отрока, единственного сына простолюдина. Чудо происходит как в евангельском сюжете воскрешения дочери Иаира Спасителем. Простолюдин тоже был «боголюбивым мужем», верил в исцеление сына, который все-таки умер. Тем не менее, отец направился к чудотворной иконе Богоматери, предстоял перед Ее образом в храме и после, застав сына в здравии, снова «возвратися въ церковь моляшеся со слезами предъ Чудотворнымъ Образомъ, и воздавше хвалу Богу идоша радующеся во свояси» [5, с. 461].

В 7032 (1524) г. женщина спасена была от осквернения мужчиной по пути к чудотворной иконе: «она же воспомяну Чудесный Образъ Успенія Пресвятыя Богородицы въ помощь призываше, да сохранить ю нескверну; той же убо мужъ внезапно ослѣпе, и падъ на нозѣ жены, увѣдавъ отъ нее вину шествія къ Чудотворному Образу, прошаше вести и его съ собою. Когда же приидоша во храмъ, предъ Чудотворнымъ Образомъ повѣда всѣмъ о чудеси томъ, приключившемся на пути, и ту абіе получи исцѣленіе ова убо отъ болѣзни, овъ же прозрѣніе очесъ, отыдоша славяще Пресвятую Богородицу» [5, с. 462]. В этом описании встречается устойчивый мотив чуда исцеления от слепоты после покаяния. Вера отвергает глаза. Этот мотив встречается еще в нескольких региональных текстах, например, в «Сказании о зачатии Свенского монастыря», где после покаяния и молитвы исцеляется ослепший князь Роман Брянский; в «Сказание о граде Курске» рассказывается об ослепшем рыльском князе, который икону Богоматери перенес без разрешения с места явления в Рыльск, за что понес наказание и после покаяния прозрел и построил храм в Рыльске; в «Легенде о крещении мценян» жители города, будучи язычниками, теряют зрение, но обретают его после принятия таинства крещения.

В 7034 (1526) г. был исцелен некий Симеон, которого в болезни посетила Богоматерь, сподобился увидеть Ее как «жену страшну пришедшу къ нему со двѣма мужи благообразными рекшу къ нему: чимъ болиши? Онъ же иновѣда недугъ свой, и рече ему: иди въ церковь, яже зовется Рышковская, тамо получиши исцѣленіе. Онъ же обѣща то; тогда страшная та жена повелѣ онымъ благообразнымъ мужамъ трижды знаменати болѣзнь, и въ 3-й часъ мужъ оный восторгся, ощути отъ болѣзни себе здрава, и прииде въ церковь, повѣда о приключившемся чудеси томъ, славяще Пресвятую Богородицу» [5, с. 462]. Кроме тринитарного подтекста в троекратном «знаменовании болезни» и исцеления Симеона в третий час, можно еще заметить традиционный книжный сюжет явления Богоматери со спутниками («с двумя благообразными мужами»). Данный мотив одновременного присутствия в повести и иконы Богоматери, и самой Богоматери, указывающей на свою икону, также является традиционным для книжной традиции. Мы его встречаем, например, в курском сказании, где в Смутное время происходит явление «Девы с двумя юношами в светлых ризах», когда икона Знаменія находилась в Путивле.

Тогда же произошло исцеление монаха из Саввино-Сторожевского монастыря, давно ослепшего и потерявшего слух. Отправившись к чудотворному образу Богоматери, монах, подобно болеющему «очами» князю Роману Брянскому в Свенском сказании, к которому при обращении к иконе Богоматери постепенно возвращалось зрение [6, с. 185], «иде къ Чудотворному Образу Успенія Пресвятыя Богородицы; бывшу ему на пути внезапно свѣтъ осія его; онъ же вельми ужасеся о семъ: бѣ бо отъ многихъ лѣтъ не видящъ свѣта, по мысли

мечтатию быти, огради себе крестнымъ знаменіемъ, и возведе очи свои, узрѣ церковь Чудотворнаго Образа; и егда бысть у Чудотворной Иконы, всѣмъ повѣда; и отъ того часа начать; ушима слышати и очима видѣти, славяще Пресвятую Богородицу» [5, с. 463].

Приводя данный перечень исцелений, автор «Сказания...» указывает на особость места, которая определена происходящими от Рышковской иконы чудесами. Это место — удел Богоматери, которая то через икону, то сама являясь страждущим в сопровождении святых, указывает путь к исцелению в монастырском храме. Все исцеления завершаются радостью выздоровевших, благодарно славящих Пресвятую Деву.

Заканчивается «Сказание...» развязкой с описанием событий 1605 и 1621 гг., близким по сюжетной линии курскому сказанию, где икона Знаменье также пребывала в Москве в Смуту и возвратилась в Курск в построенный для нее Знаменский монастырь. Но в Рышковском сказании происшествие в иконой снова приобретает чудесный оборот, так как принесенная до событий 1605 г. священником икона исчезает позднее в Москве и неизвестно как появляется снова на Богоизбранном месте близ Рышкова на камне (также устойчивый книжный мотив, соотносимый в церковной среде с библейским символом священной горы, местом, где в древности располагались алтари для Богообщения и благодарения Бога): «лѣта 1621-го октября 22 дня, царствующій градъ Москва освободися, тогда чудная сія Икона въ церкви не обрѣтесе, и по прошествіи пяти мѣсяцевъ обрѣтена бысть близъ рѣки Лопасны, на мѣстѣ зовомомъ Пречистенское, идѣ же бѣ церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, кая во время плѣненія злочестивыми Ляхами сожжена, и разграблена бысть, стояше на камени, люди же живущіи ту окрестъ слышавше стекошася» [5, с. 464-465].

В качестве завершения повествования о Рышковской иконе автор сообщает о восстановлении литургического ее почитания, об обстоятельствах исхода ее «эмиграции», о новых чудесах, указывающих на святость места, где в итоге восстанавливается храм: «Въ то время человекъ нѣкій именемъ Феодотъ, иже не глаголаше языкомъ и не слышаше ушима, получи исцѣленіе, и начать глаголати и право слышати, и на томъ же мѣстѣ постави часовню. ...страждущихъ... исцѣли, и доднесь благодатию Христовою, яко присно текущій источникъ исцѣленіе безмездно истоощаетъ: слѣпѣи бо приходяще съ вѣрою просвѣщаются, глухѣи исправляются, нѣмѣи быстро глаголютъ, недужніи отъ немощи въ силу прелагаются, бѣсніи исцѣляются, и вси всякими болѣзнями одержимы, притекающе съ вѣрою, здравіе пріемлютъ, во славу Пресвятыя Богородицы и человеклоубца Бога, Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ Аминь» [5, с. 464-465].

Основным лейтмотивом «Сказания о явлении чудотворного образа Успения Богоматери, с двенадцатью праздниками, что в селе Рышкове, Боровского уезда, Калужской губернии» является сохранение и передача традиционных христианских ценностей и смыслов, выраженных в почитании явленной иконы на Богоизбранном месте, где основаны по порядку часовня, церковь и затем монастырь. Несмотря на использование традиционных мотивов, восходящих к основному мифу (явление святыни близ водного источника, на горе, дереве, камне, исчезновение иконы, выбор места иконой для церкви, чудесное исцеление, чудо ослепления и прозрения), христианский контекст является основным лейтмотивом в исследуемом «Сказании...». Осознанно выделены и объяснены мотивы, характерные для общехристианской литературной традиции («живой иконы», «указующего гласа Господа»). Архетипический комплекс мотивов применяется автором подсознательно. Мотивы приходят из устной славянской традиции и их семиотическое значение не объясняется в повествовании. В то же время содержание «Сказания...» полностью вписывается в парадигму христианского благочестия, с его осмысленными связями путешествия «живой иконы», с сюжетными линиями Священного писания и Предания Церкви и восточнохристианскими Сказаниями о чудотворных иконах (Владимирской, Тихвинской, Колочской, Курской-Коренной, Свенской-Печерской). Сюжет «Сказания...» подчинен идее путешествия христианского образа-путеводителя, восходящего к «хожжению» самого Христа по Святой Земле, где, собственно, важно не как выглядел сам предмет, а как происходит действие, которое посредством литургического почитания священного предмета приводит страждущих к исцелению и христианскому спасению.

1. Комова М.А. Иконное наследие Орловского края XVIII—XIX веков. М., 2012. 510 с.
2. Антонова М.В. Сказания об основании монастырей в региональной устной и письменной традиции: система мотивов // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6(69). С. 89-91.
3. Икона Успения Божией Матери въ с. Рышковѣ // Поселянин Е. Сказаніе о чудотворных иконах Богоматери и Ея милостях роду человеческому. Коломна: Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1993. Репринт. М., 1909. С. 403-407.
4. Комова М.А. Жанровая специфика сказаний о чудотворных иконах Верхнеокского региона (в рамках Орловской губернии) // Жизнь провинции: история и современность. Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского. Нижний Новгород, 2015. С. 209-216.
5. Сказаніе о явленіи Чудотворнаго Образа Успенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Приснодѣвы Маріи, съ дванадесятьми праздниками, что в селѣ Рышковѣ, Боровскаго уѣзда, Калужской губерніи // Калужские епархиальные ведомости. Прибавление. 1867. № 19. С. 457-465.
6. Антонова М.В., Комова М.А. Проблемы текстологии «Сказания о зачатии Свенского монастыря» // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3. С. 182-185.

References

1. Komova M.A. Ikonnoe nasledie Orlovskogo kraia XVIII—XIX vekov [Icon heritage of the Oryol region of the 18th — 19th centuries]. Moscow, 2012. 510 p.
2. Antonova M.V. Skazaniya ob osnovanii monastyrey v regional'noy ustnoy i pis'mennoy traditsii: sistema motivov [Stories about the founding of monasteries in regional oral and written traditions: the system of motives]. Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2015, no. 6(69), pp. 89-91.
3. Ikona Uspeniya Bozhiyey Materi v" s. Ryshkov [Icon "The Legend of the appearance of the miraculous image of the Assumption of the Mother of God, with twelve holidays, in the village of Ryshkov"]. In: Poselyanin E. Skazanie o chudotvornykh ikonakh Bogomateri i Eya milostyakh rodu chelovecheskomu. Kolonna: Svyato-Troitskiy Novo-Golutvin monastyr', 1993. Reprint. Moscow, 1909, pp. 403-407.
4. Komova M.A. Zhanrovaya spetsifika skazaniy o chudotvornykh ikonakh Verkhneokskogo regiona (v ramkakh Orlovskoy gubernii) [Genre specificity of legends about the miraculous icons of the Verkhneoksky region (within the Oryol province)]. Proc. of "Zhizn' provintsii: istoriya i sovremennost'". Nizhniy Novgorod, 2015, pp. 209-216.
5. Skazanie o yavlenii Chudotvornogo Obraza Uspeniya Presvyatyya Vladychitsy nashey Bogoroditsy Prismozhnyy Marii, s" dvanadesyatymi prazdnikami, chto v sel' Ryshkov, Borovskogo uyezda, Kaluzhskoy gubernii [The Legend of the appearance of the miraculous image of the Assumption of the Mother of God with the twelve-day holidays, in the village of Ryshkov, Borovsky district, Kaluga province]. Kaluzhskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavlenie, 1867, no. 19, pp. 457-465.
6. Antonova M.V., Komova M.A. Problemy tekstologii "Skazaniya o zachatii Svenskogo monastyrya" [Challenges of textology of "The Legend of the Conception of the Svensk Monastery"]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, no. 3, pp. 182-185.

Komova M.A. "The Legend of the appearance of the miraculous image of the Assumption of the Mother of God, with twelve holidays, in the village of Ryshkov": a system of motives, poetics. This article for the first time examines the poetics of "The Legend of the appearance of the miraculous image of the Assumption of the Mother of God with the twelve-day holidays, in the village of Ryshkov, Borovsky district, Kaluga province". The author studies a stable system of motifs in the context of the Old Russian book tradition, compares this text with Russian legends about the foundation of monasteries at the site of the appearance of miraculous icons, churches and chapels. The main motives are highlighted: the "living icon", the appearance near a water source, on a mountain, a tree, a stone, the disappearance of an icon, the choice of a place for a church made by an icon, miraculous healing, the miracle of blinding and epiphany, the "pointing voice of the Lord", which have both an all-Russian and regional reflection.

Keywords: legends about icons, poetics, motif, icon.

Сведения об авторе. Марианна Александровна Комова — кандидат искусствоведения, докторант кафедры истории русской литературы XI—XIX веков Института филологии; доцент кафедры теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности; Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева; ORCID: 0009-0004-3618-0661; mariamna.ore@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.02.2023. Принята к публикации 05.03.2023.

Ссылка на эту статью: Комова М.А. «Сказание о явлении чудотворного образа Успения Богоматери, с двенадцатью праздниками, что в селе Рышкове»: система мотивов, поэтика // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 3(48). С. 195-200. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.3(48).195-200

For citation: Komova M.A. "The Legend of the appearance of the miraculous image of the Assumption of the Mother of God, with twelve holidays, in the village of Ryshkov": a system of motives, poetics. Memoirs of NovSU, 2023, no. 3(48), pp. 195-200. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.3(48).195-200